

*Друзья здесь встретились и обнялись
И разошлись — к своим ошибкам.*

У. Х. Оден. Перекресток

I

Двое бывших любовников Молли Лейн стояли у часовни крематория спиной к холодному февральскому ветру. Обо всем уже было говорено, но они проговорили еще раз.

- Так и не поняла, что на нее обрушилось.
- А когда поняла, было поздно.
- Быстро скрутило.
- Бедная Молли.
- Ммм.

Бедная Молли. Началось с покалывания в руке, когда она ловила такси у ресторана «Дорчестер»; ощущение это так и не прошло. Через несколько недель она уже с трудом вспоминала слова. «Парламент», «химию», «пропеллер» она могла себе простить, но «сливки», «кровать», «зеркало» — это было хуже. Когда временно исчезли «аканф» и «брезаола»*, она обратилась к врачу, ожидая, что ее успокоят. Однако ее направили на обследование, и, можно сказать, оттуда она уже не вернулась. Как же быстро боевая Мол-

* Аканф — растительный орнамент в виде листьев, как на коринфских колоннах. Bresaola (*ит.*) — вяленое мясо.

ли стала больной пленницей своего угрюмого собственного мужа Джорджа. Молли, ресторанный критик, фотограф, женщина неиссякаемого остроумия, дерзновенная садовница, возлюбленная министра иностранных дел, способная легко пройти колесом в свои сорок шесть лет. О ее стремительном погружении в безумие и боль судачили все: потеря контроля над отправлениями, а с ним — и чувства юмора, а затем — постепенное затмение с эпизодами бессильного буйства и приглушенных криков.

При виде появившегося из часовни Джорджа любовники Молли отошли подальше по заросшей травянистой дорожке. Они добрались до участка овальных розовых клумб с табличкой «Сад памяти». Все растения были безжалостно срезаны на высоте нескольких сантиметров над промерзшей землей — Молли такую практику осуждала. Газон был усеян сплюснутыми окурками — здесь люди дожидались, когда предыдущая группа освободит здание. Прохаживаясь взад и вперед, старые друзья возобновили разговор, к которому возвращались уже раз десять до этого в разных формах; но он утешал их больше, чем пение «Пилигрима».

Клайв Линли узнал Молли первым, в шестьдесят восьмом, когда они были студентами и жили одним домом, хаотическим и зыбким, в Вейл-оф-Хелте*.

— Ужасный конец.

Он смотрел, как растворяется в сером воздухе пар его дыхания. Сказали, что в центре Лондона темпера-

* Вэйл-оф-Хелт — район на северо-западе Лондона.

тура минус одиннадцать. Минус одиннадцать. Что-то очень неладно в мире, и не обвинишь в этом ни Бога, ни его отсутствие. Первое непослушание человека, его падение, нисходящий мотив, гобой, девять нот, десять нот. У Клайва был абсолютный слух, и он слышал, как они спускаются от соль. Записывать не было нужды.

Он продолжал:

— Понимаешь — умирать, ничего не сознавая, как животное. Ослабеть, стать полностью зависимой, не успев отдать последние распоряжения и даже попрощаться. Болезнь подкралась...

Клайв пожал плечами. Они дошли до края вытоптанной лужайки и повернули обратно.

— Она предпочла бы самоубийство такому концу, — отозвался Вернон Холлидей.

Он прожил с ней год в Париже в семьдесят четвертом, когда впервые поступил на работу в «Рейтер», а она пописывала для «Вога».

— С мертвым мозгом и в клешнях Джорджа, — сказал Клайв.

Джордж, грустный богатый издатель, не чаял в ней души, и она, к всеобщему удивлению, так и не бросила его, хотя всегда обходилась с ним дурно. Они посмотрели в его сторону: Джордж стоял у двери в группе людей, принимал соболезнования. Смерть жены избавила его от общего презрения. Он будто вырос на дюйм или два, спина у него выпрямилась, голос стал гуще, новообретенное достоинство сузило глаза, погасило жадный, просящий взгляд. Отказав-

шись сдать ее в приют, он ухаживал за ней собственноручно. И, что существеннее, вначале, когда люди еще хотели ее навещать, он фильтровал посетителей. Для Клайва и Вернона допуск был строго ограничен, поскольку считалось, что при них она разволнуется, а после будет удручена своим состоянием. Другой ответственный гость, министр иностранных дел, также был нежелателен. Люди стали ворчать, в колонках светской хроники появилось несколько сдержанных замечаний. А потом все это потеряло значение: по рассказам, она чудовищно изменилась, люди не хотели ее навещать и были рады, что Джордж их не пускает. Однако Клайв и Вернон с удовольствием продолжали его ненавидеть.

Когда они повернули обратно, в кармане у Вернона запищал телефон. Он извинился и отошел в сторону, предоставив другу продолжать прогулку в одиночестве. Клайв запахнул пальто и замедлил шаг. У крематория собралось уже сотни две людей в черном. Пора подойти и сказать что-нибудь Джорджу, иначе будет сочтено невежливостью. Наконец-то Джордж ею завладел — когда она уже не узнавала свое лицо в зеркале. С романами ее он ничего не мог поделать, но в финале она стала целиком его. У Клайва занемели ноги, он стал топтать, и в том же ритме вернулись десять нисходящих нот ритардандо*, английский рожок, а в контрапункт с ним, мягко, восходящий мотив виолончелей, зеркальный образ. В нем — ее лицо. Конец. Все, что было нужно ему сейчас, — тепло, ти-

* Ritardando (*um.*) — замедляя.

шина его студии, рояль, недописанная партитура — и закончить. Он услышал слова Вернона, завершавшего разговор: «Отлично. Перепишите резюме и поставьте на четвертую полосу. Я буду часа через два». Затем Клайву:

— Чертовы израильтяне. Нам пора подойти.

— Пожалуй.

Однако они сделали еще один круг по лужайке: в конце концов, они тут для того, чтобы хоронить Молли.

С заметным усилием над собой Вернон отодвинул служебные заботы.

— Она была милой девочкой. Вспомни бильярдный стол.

В 1978 году под Рождество компания друзей сняла большой дом в Шотландии. Молли и ее тогдашний спутник, королевский адвокат* по фамилии Брейди, изобразили на бильярдном столе Адама и Еву: он в трусах, она в трусах и лифчике, подставка для кия — змей, красный шар вместо яблока. В пересказах, однако, история приобрела несколько иной вид и в таком виде не только попала в один некролог, но даже запомнилась кое-кому из свидетелей: «Молли плясала в сочельник нагишом на бильярдном столе в шотландском замке».

— Милая девочка, — повторил Клайв.

Делая вид, будто откусывает яблоко и жует, она смотрела прямо на него и развратно улыбалась. Она

* Королевский адвокат — высшее адвокатское звание; присваивается королевской грамотой.

выкатила бедро и подбоченилась, пародируя уличную девку. Он считал ее упорный взгляд сигналом, и правда, в апреле они снова сошлись. Молли переехала в его студию в Южном Кенсингтоне и осталась на все лето. В это время как раз открылась ее ресторанный колонка и сама она выступила по телевизору, раскритиковав мишленовский путеводитель* как «кулинарный китч». Он тоже впервые обозначился перед публикой — «Оркестровыми вариациями» в Фестивал-холле. Второй заход. Она, вероятно, не изменилась, а он — определенно да. За десять лет он узнал достаточно, чтобы еще кое-чему у нее научиться. Его система всегда была — молот и наковальня. Она научила лукавому сексу, тому, что иногда необходима неподвижность. Лежи тихо, вот так, смотри на меня, смотри как следует. Мы — бомба замедленного действия. Ему было почти тридцать; по нынешним меркам запоздалое развитие. Когда она нашла себе квартиру и собрала чемоданы, он предложил ей пожениться. Она поцеловала его и прошептала на ухо: «Чтоб она не ушла, он женился на ней, / И теперь она с ним, как репей». Она была права, потому что после ее отъезда он радовался одиночеству как никогда и написал «Три осенние песни» меньше чем за месяц.

— Ты чему-нибудь у нее научился? — вдруг спросил Клайв.

В середине 80-х Вернон тоже прошелся по второму кругу — во время отпуска, в одном имении в Умб-

* Мишленовский путеводитель — ресторанные новости «U. K. Michelin Guide».

рии. Он был тогда римским корреспондентом газеты, которую теперь редактировал, и женатым человеком.

— Я секс не запоминаю, — ответил он, помолчав. — Наверняка это было изумительно. Но помню, что она объяснила мне все про порчини* — как выбирать, как готовить.

Клайв счел это отговоркой и тоже решил не откровенничать. Он оглянулся на дверь часовни. Придется подойти. И сам себе удивился, когда с некоторой яростью произнес:

— Знаешь, мне надо было жениться на ней. Когда она стала сдавать, я бы задушил ее подушкой или как-нибудь еще и спас бы от всеобщей жалости.

Вернон, засмеявшись, повел друга из Сада памяти.

— Легко сказать. Представляю, как ты пишешь гимны для прогулок заключенных аферистов — вроде этой, как ее — суффражистки...

— Этель Смит. Будь уверен, мои были бы лучше.

Друзья Молли, собравшиеся на похороны, предпочли бы не присутствовать в крематории, но Джордж предупредил, что панихиды не будет. Он не желал, чтобы три бывших любовника публично сравнивали свои впечатления на кафедре Сент-Мартина или Сент-Джеймса или переглядывались во время его речи. Подойдя к толпе, Клайв и Вернон услышали привычный гомон фуршета. Подносов с шампанским не было, и голоса не отражались от ресторанных стен, но в остальном это вполне могло сойти за очередной вернисаж в галерее или прием в редакции. Клайв никогда не ви-

* Porcini (*um.*) — белые грибы.

дел столько лиц при свете дня, притом ужасно выглядящих — кадавры, поставленные стоймя, чтобы приветствовать новопреставленную. В приливе мизантропической энергии он плавно двинулся сквозь гам, не оборачиваясь, когда его окликали, убирая локоть, когда за него хватались, — прямо к Джорджу, который разговаривал с двумя женщинами и старым сморчком в мягкой шляпе и с палкой.

«Какой холод, надо уходить», — услышал Клайв чей-то возглас, но пока что никто не мог преодолеть центростремительную силу светского события. Вернона он потерял — того утащил владелец телеканала.

Наконец Клайв ухватился за руку Джорджа, неплохо изобразив искренность.

— Чудесная служба.

— Очень приятно, что вы пришли.

Ее смерть облагородила Джорджа. Спокойная важность была не в его манере, как правило просительной и хмурой; хотел нравиться, но неспособен был принять дружелюбие как должное. Бремя чрезмерно богатых.

— Извините, пожалуйста, — добавил он, — это сестры Финч, Вера и Мини, приятельницы Молли с бостонских времен. Клайв Линли.

Они обменялись рукопожатиями.

— Вы композитор? — спросили Вера и Мини.

— Да.

— Это большая честь, мистер Линли. Моя одиннадцатилетняя внучка разучила вашу сонатину для экзамена и просто влюбилась в нее.

— Рад слышать.

Мысль о том, что его музыку играют дети, слегка угнетала.

— А это, — сказал Джордж, — тоже из Штатов — Харт Пулман.

— Харт Пулман. Наконец-то. Помните, я положил ваши стихи «Ярость» на музыку для джаз-оркестра?

Пулман был поэт-битник, последний оставшийся в живых из поколения Керуака. Высохшая ящерка с трудом повернула голову, чтобы взглянуть на Клайва.

— Я теперь ничего не помню, то есть ни хера, — произнес он тонким, жизнерадостным голосом.

— Но Молли-то вы помните, — сказал Клайв.

— Кого? — Секунды две Пулман сохранял серьезный вид, потом закудахтал и тонкими белыми пальцами схватил Клайва за руку. — Ну как же, — сказал он своим мультипликационным голосом. — Мы с Молли сдружились в шестьдесят пятом, в Ист-Виллидже*.

Стараясь не выдать своей обеспокоенности, Клайв произвел в уме вычитание. В июне 65-го ей исполнилось шестнадцать. Почему она ни разу об этом не упомянула? Он нейтрально осведомился:

— Наверно, она приезжала на лето.

— Угу. Пришла на мою крещенскую вечеринку. Какая девочка, а, Джордж?

Значит, растление. За три года до него. Ни разу не сказала ему про Харта Пулмана. А на премьере «Ярости» она была? В ресторан не пришла потом? Не помнит. То есть ни хера.

* Ист-Виллидж — район Южного Манхэттена; в 1960-х годах был одним из центров городской контркультуры.

Джордж отвернулся и разговаривал с американскими сестрами. Решив, что терять нечего, Клайв приложил ладонь ко рту и наклонился к уху Пулмана.

— Никогда ты с ней не спал, лживая рептилия. Она бы не опустилась до такого.

Он не имел намерения сразу удалиться, потому что хотел услышать ответ Пулмана, но тут слева и справа надвинулись две шумные группы: одна — засвидетельствовать почтение Джорджу, другая — почтить поэта, и в образовавшемся круговороте Клайв был оттеснен в сторону и ушел. Харт Пулман и несовершеннолетняя Молли. С отвращением он протолкался сквозь толпу и, очутившись на свободном пятачке, благополучно никем не востребованный, остановился, чтобы оглядеть друзей и знакомых, занятых разговорами. Кажется, он единственный ощущал потерю. Может быть, если бы он женился на ней, то был бы хуже Джорджа и даже этого собрания не вынес бы. И ее беспомощности. Наклонить коричневый пластмассовый флакончик, и тридцать снотворных таблеток на ладонь. Ступка, немного виски. Три столовые ложки желтоватой кашицы. Она смотрела на него, глотая, как будто понимала.левой рукой он поддерживал ей подбородок, чтобы не вылилось. И обнимал ее, пока она спала, а потом — всю ночь.

Он один ощущал потерю. Он окинул взглядом собравшихся: многие — его возраста, возраста Молли, на год-другой моложе или старше. Какие благополучные, какие влиятельные, как расцвели при правительстве, которое почти семнадцать лет презирали. «Говоря о моем поколении...» Такая энергия, такая удач-